Владимир ДЕЛБА

ЦЕЗАРИ Я, ОТ ТОТ САМИХ...

Андрей сидел с Нури Викторовичем в уютной гостиной его дома в Гагре, за рюмкой чачи, с повлажневшими глазами, вспоминая былое. Так сложилось, что они не виделись много лет. И сейчас, рассуждая о событиях и персоналиях лихой своей сухумской юности, позволяли себе разбавлять радость встречи легкой грустью и ностальгией.

— А помнишь, как мы разыграли Анзора Г.? Слава Богу, он жив-здоров!

— Знаешь, а Рудик К., хохмач и жизнелюб, умер недавно в Челябинске.

— Многое изменилось за последние десятилетия, но давай не будем о грустном. Помянем ушедших и воскресим в нашей общей памяти что-нибудь смешное, доброе!

Так и поступили.

Очередной персонаж экскурсии в прошлое носил необычное имя — Цезарь. И звучную, очень древнюю аристократическую фамилию — Татиани. Когда-то, давно, Татиани были владетельными князьями, управляли огромными территориями, отправляли в Европу мёд и ценную древесину, а заодно и отпрысков своих, дабы обучать их в тамошних университетах. Так что предки Цезаря были людьми состоятельными, просвещенными, владеющими, как правило, несколькими европейскими языками.

Но это было давно.

Цезарь тоже владел несколькими языками: мегрельским, грузинским и русским, на котором говорил достаточно свободно, но с сильным акцентом.

И еще Цезарь выучил наизусть несколько наиболее важных и часто употребляемых фраз, а главное, тостов, на абхазском.

На облике и поведении нашего героя, безусловно, сказывалась мощная генетическая «закваска», присущая даже осколкам аристократических династий.

Легкая, но уверенная походка, умение прямо держать

спину, холеные, не знакомые ни с какой работой руки, подкупающий взгляд карих глаз... Все это, конечно, производило благоприятное впечатление на окружающих, особенно на женщин. А интеллектуальный его багаж, состоящий из нескольких прочитанных в детстве книжек, природной живости ума и прирожденной манерности, вполне мог сойти за образованность. К тому же Цезарь обладал неплохим чувством юмора.

Был у Цезаря роскошный двубортный костюм-тройка цвета маренго. Ткань для костюма и подкладки, а так же «фирменные» пуговицы привезли друзья из города Зугдиди, где в те годы можно было достать кое-какие импортные товары. И те же друзья, в складчину, оплатили пошив у лучшего закройщика в городе, иммигранта из Марселя, Андроника, трудившегося в престижном ателье «Интуриста». По самым модным французским лекалам. В этом костюме Цезарь смотрелся еще и состоятельным человеком. Когда Цезаря знакомили с новыми для него людьми, вел он себя, как правило, доброжелательно, элегантно целовал дамам руки, к мужчинам же обращался не иначе, как – Сударь. Сам представлялся скромно, как бы немного стесняясь
– Цезари я, от княжеских рода Татиани. – Произнося имя свое именно так, с буквой «И» на конце, в грузинской транскрипции. Часто добавляя: – От тот самих Татиани.

Вопросы о роде занятий владетельного князя Цезарь не любил. И отвечал обычно уклончиво. То он оказывался тренером сборной СССР по альпинизму, то уполномоченным комиссаром ЦК Компартии в Грузинском морском пароходстве. В отпуске, в данный момент А иногда, напустив на себя важный, загадочный вид, намекал, что он «боец тихого фронта», на лечении, по причине серьезного ранения при выполнении особо секретного правительственного задания.

На самом деле Цезарь Татиани был, применяя юридический термин советского периода, злостным тунеядцем (то есть человеком никогда и нигде не работавшим), и

профессиональным «шарапистом».
Как-то я невольно подслушал разговор местного жителя и гостя республики. На вопрос, что такое – шарапист, абориген ответил просто – выпивоха. Вмешиваться в разговор незнакомых людей я посчитал бестактностью, и промолчал. Но ответ моего земляка был неверен.
Этот термин, я думаю, нуждается в более подробном рассмотрении и в более четком определении.
Кто такой – «выпивоха»? Можно сказать – человек, всегда готовый выпить, в любой компании, по поводу и без повода, но желательно не в одиночестве. Часто выпивающий, но могущий обойтись без выпивки. То есть испытывающий влечение, тягу к спиртному, но в отличие от алкоголика, не болезненную.
А что такое – «шарапист»? Это, безусловно, явление!
Конечно, шарапист – тоже поклонник Бахуса. Но его интересы лежат совсем в другой, гораздо более высокой, даже интеллектуальной, можно сказать, плоскости человеческого бытия. Ибо он еще и ценитель, своего рода социальный эксперт застолья. Он – эпикуреец, прекрасно разбирающийся в вине и знающий толк в гастрономических изысках. Ему явно не безразлична компания за столом, ибо высшее наслаждение и сокровенный смысл застолья для шараписта – это искусство винопития, в самой возвышенной его форме. Это знание традиций, умение произносить (и выслушивать) витиеватые, порой и замысловатые тосты.
И, конечно, уклад жизни в нашем маленьком, уютном южном городе, помноженный на древние традиции гостеприимства и хлебосольства, был исключительно благодатен для таких «специалистов», как Цезарь Татиани.
Стоило только нашему герою появиться в зоне визуальной доступности любого питейного заведения, коих множество имелось в разных частях города, как тут же высылались гонцы от той или иной компании. С убедительной просьбой к Цезарю уважить земляков и принять участие в застолье.
Так что все в городе знали; если кому-то срочно понадобился Цезарь, искать его надо в одной из «точек» городского общепита. Ну, или в домах, где справляли свадьбы, отмечали дни рождения или сороковины. Или на чьих-то поминках. Там, где нельзя было обойтись без велере-

чивого тамады, большому, к тому же знатоку традиций и церемониалов.

В общем, был Цезарь Татиани личностью известной, знаковой, можно сказать, и востребованной. И ничего не нарушало привычного, порой эмоционально насыщенного, но в целом спокойного ритма его жизни.
Но, как гласит народная мудрость: «Ничто не вечно под луной»!

На городском стадионе, во время футбольного матча, к Цезарю подсел дальний родственник, инструктор отдела административных органов обкома партии.
– Цезарь, дорогой, ты знаешь, как все тебя любят и ценят! Но, к сожалению, на нас очень давят из Москвы и Тбилиси. Проводится очередная кампания по искоренению тунеядства. Извини, но весь город знает, что ты за всю свою жизнь, даже в родительском доме, не вбил ни одного гвоздя в стену. Это, если образно выражаться.
Короче говоря, ни я, никто из нашей родни или друзей, не в состоянии больше тебя прикрывать. Завтра подойдешь к директору театра, он тебя оформит на должность звукорежиссера. Договоренность есть. Работа – «не пыльная», и согласись, звучит тоже солидно.

И понял Цезарь, что – ВСЕ! Баста. Ничего с этим уже не поделаешь.
И пошел Цезарь к директору театра.
И приняли Цезаря на ответственную, звучную должность – звукорежиссер.
И назначили Цезарю не самую худшую для советского трудящегося зарплату – восемьдесят шесть рублей ноль, ноль копеек, из которых на руки, после вычета налогов, новоиспеченный звукорежиссер должен был получать шестьдесят шесть рублей двадцать три копейки. В те давние времена на эти деньги компания из шести-восьми человек могла славно покутить в любом из местных ресторанов.
Так что вполне естественно, забегая вперед, что первую зарплату Цезарь с друзьями прокутил.

Работа действительно оказалось «не пыльной». График

посещения был щадящим, никто не требовал постоянного нахождения на службе. В подчинении у звукорежиссера был техник-связист Гена, глуховатый, всегда в легком подпитии, но исполнительный пенсионер, отставной боцман Черноморского флота. И два громоздких магнитофона МАГ-8 с набором катушек, на которых была записана музыка к спектаклям.

В репертуаре театра было несколько давно поставленных, хорошо известных горожанам спектаклей. Так что давали их редко и без аншлагов.

Известие, что придется возить спектакли в сельские Дома Культуры, вначале испортило Цезарю настроение. Перспектива поездок в старом, пыхтящем и скрипящем автобусе по разбитым дорогам, радости не прибавляло. Но потом выяснилось, что сельские дороги, в целом, не такие уж и плохие. К тому же, и это оказалось для Цезаря приятным сюрпризом, любой уважающий себя сельский руководитель, а их было подавляющее большинство, считал для себя честью оказать столичным артистам радушный и достойный прием. А значит, после каждого спектакля «на выезде» труппу ждало застолье, в соответствии с лучшими традициями сельского гостеприимства.

И каждый новый такой банкет давал неограниченные возможности Цезарю проявить недюжинный свой талант опытного шараписта.

Вскоре разнесло сарафанное радио по республике, по всем ее пределам, новость. Что якобы по специальному распоряжению областного комитета партии и Министерства культуры, Государственный драматический театр пригласил в штат специалиста по изучению традиций застолья. И что уникальный этот специалист выезжает с труппой театра в сельскую местность и проводит своего рода мастер-классы правильного традиционного винопития, виночерпия и тамадовства.

И проснулся Цезарь, в одно прекрасное утро, знаменитым! Уже на территории всей республики, а не только столичного града.

А в республике появилась новая, специфическая разновидность социалистического соревнования. Заключалась

она, в отличие от привычных, официальных, не в росте «показателей», не в процентах увеличения урожайности сельхозкультур, или дополнительно изготовленных, скажем, прокладок для газовых баллонов. Нет! Смысл состоял в оперативном заманивании в сельскую местность, в тот или иной Дом культуры, труппы драмтеатра, а вернее, прикрепленного к театру уникального специалиста. Необходимо было поразить того уровнем и качеством банкета, в надежде, что он, специалист, особо отметит в своем будущем докладе достижения местного населения и, естественно, руководства. В лице председателя сельсовета, директора совхоза или правления колхоза. Особо выделив секретаря партийной ячейки. Ибо, как бы там не было, партия всегда – наш рулевой! Во всех, во всех начинаниях!

И закрутилось колесо! Пришел в действие сложный соревновательный механизм, насыщенный изобретательством его организаторов и участников. Процесс, включавший в себя элементы комедии, детектива и триллера одновременно.
Конкурс, где призом был «специалист» Цезарь Татиани и полусекретные, загадочные его полномочия, сулившие, возможно, славу, признание и карьерный рост кому-то из сельского руководства. Ведь пределом мечтаний для каждого из них было попасть в городскую номенклатуру, получить кабинет, портфель и персональное легковое авто. Желательно строгого черного цвета со сверкающими хромированными деталями экстерьера. В отличие от ржавых, рассыпающихся на ходу старых «Козликов», имеющихся в некоторых совхозах и колхозах.

Итак, наступил «звездный час» нашего героя. И не было предела фантазии сельских руководителей, придумывающих поводы для очередного приглашения выездной театральной труппы. То знакомили народ со славной революционной историей края, через соответствующие спектакли. То боролись с религиозными предрассудками отдельных несознательных сельских жителей. Опять же с помощью театрального искусства.
И всерьез утверждали, что марксистко-ленинская идеология, распространяясь через культуру на селе, воздей-

ствуют и на природу, вызывая увеличение урожайности. Неважно, кукурузы, чайного листа или табака. А уж как благотворно действует высокий уровень культуры на виноградную лозу!
Столы ломились от изобилия, вино лилось рекой и всегда главной фигурой, звездой застолий был несравненный Цезарь.
Порой артистов не отпускали из того или иного села по нескольку дней. И провожали принадлежащий театру старый автобус в соответствии с традициями, с песнями и подносами с бокалами вина и закуской. Предварительно затарив заднюю часть салона пакетами и сумками с провизией. На дорожку, так сказать.
Не зная как задобрить лично Цезаря, некоторые, особо «шустрые» сельские чиновники пытались незаметно вложить в карманы своего кумира конверты с дензнаками. Но у Татиани были свои понятия о чести. И надо отдать нашему герою должное, конверты с деньгами всегда отводились решительной его рукой.

Шло время, урожайность не увеличивалась, наоборот, виноградные плантации поразил завезенный вредитель, нанеся им внушительный урон. Да и предрассудки никуда не исчезли.
Но самое главное, никто не спешил повышать в должности председателей колхозов и сельских партийных секретарей, никто не вызывал их в город, так сказать «на ковер», предлагая высокие заманчивые посты.
И достаточно скоро, определенная часть населения республики потеряла интерес к личности Цезаря Татиани, да и к театральному искусству в целом.
Но свернуть полностью программу повышения идейного и культурного уровня населения никто не мог, посему театр продолжал разъезжать с гастролями по республике. Правда, не так часто, как раньше. Да и уровень внимания к труппе в селах стал, если говорить мягко, несколько иным. Конечно, голодными артистов никто не оставлял, но «встречающая сторона», как правило, теперь отделывалась очень уж скромными обедами или ужинами.
Это угнетало Цезаря, ибо не находила выхода бурлящая внутри него мощная и креативная энергия застольного

общения. Ставшая привычной и обязательной, важной частью его жизни.
И наш герой начал «киснуть». Стали посещать его странные мысли о смысле жизни, о земном предназначении конкретных человеческих сущностей, о загадочных передвижениях по ночному небу далеких звезд и прочих метеоритов.
Все реже и реже облачался Цезарь в свой роскошный костюм-тройку цвета маренго. А порой, о, ужас, наблюдали горожане нашего героя небритым.
И выражать свои мысли он стал по иному, облачая их в форму неких философских тезисов. К примеру, однажды многозначительно заявил: – «Человечески жизнь, это как будто едешь на один поезд, но все время на разний вагоне. На плацкарте, на жестоком или на мягкий купе»!
Однажды, после выездного спектакля, когда члены труппы, в ожидании скромного ужина, собирали нехитрый свой реквизит, в дверь служебной комнаты постучали.
– Судьба пришел! – Многозначительно произнес Цезарь. – Захади.

В комнату вошел, вернее с трудом протиснулся в узкую дверь, огромный дядька в военной гимнастерке, на которую было натянуто модное импортное лайковое пальто, в сапогах и шапочке-сванке.
– Татиани хачу. – Сочным баритоном изрек гость.
Выяснив, кто же именно в этой комнате Татиани, с широкой улыбкой заключил того в объятия, оторвав в порыве радости от земли и продолжая тискать.
– Цезари, чким джима! Ма холё Татиани ворек! (Цезарь, мой брат! Я тоже Татиани)! – Восторженно повторял незнакомец по-мегрельски.
– Короче, ребиата, сейчас садимся на вашу автобусе и едем ко мне домой. Нас ждут!
У родственника в соседнем селе оказался прекрасный двухэтажный дом внушительных габаритов, ухоженный огромный двор с летней кухней-апацхой и массой хозяйственных построек.
В «зале» первого этажа был накрыт праздничный, по сути, стол, ломившийся от яств. Гостей действительно ждали. Как принято в селах, хозяин пригласил своих со-

седей, среди которых было много пожилых, убеленных сединами, уважаемых людей.
В глазах Цезаря снова разгорелся былой огонь восторга и предвкушения. У него опять появилось достойная возможность показать высший класс, восстановить свой статус-кво шарариста высочайшей пробы. Тем более, что опытные, знающие традиции, пожилые селяне были для Цезаря самой строгой, но и самой почетной, желанной категорией слушателей и судей.
Хозяин дома церемонно представил гостям уважаемого потомка славного княжеского рода, того же, от которого происходил и сам он, затем Цезаря с почетом усадили во главу стола и настоятельно, крайне уважительно попросили возглавить застолье.

И наш герой в грязь лицом не ударил.
Чувство радостного возбуждения от востребованности и ответственности за столь высокое доверие, стимулировало Цезаря, помогая ему быть на высоте. Изобретательность, велеречивость, виртуозные словесные импровизации на фоне великолепного знания традиций, прекрасное чувство юмора тамады покорили гостей.

— Что я вам гавориль!!! — Только успевал повторять растроганный хозяин дома.
— Эсть великий наука называется генетика! И кровь наши книажеский голубой никуда не спрячешь!

Застолье затянулось до глубокой ночи. Потом были торжественные проводы соседей, потом дорогих гостей уложили спать.

«Завтрак» естественно перетек в обед. Провожали автобус уже вечером, в полном соответствии с законами гостеприимства, затарив, как это было в добрые старые времена, гостей продуктами и вином.

— Ты — Татиани Цезарь, я — Татиани Ражден! — Торжественно напутствовал гостя новый родственник.
— А значит, мой дом — твой дом! И для меня твои друзья и коллеги всегда желанные гости, в любое время

дня и ночи! Помни об этом всегда! – Повторял он помегрельски.
Тем временем «звездный час» нашего героя и в городе потихоньку угасал, погружаясь в туман прошлого. Так что вспомнил Цезарь о новом своем хлебосольном родственнике очень скоро. Через неделю.

Две легковушки, пыля, лихо подкатили к дому Раждена, отчаянно сигналя и пугая хозяйских коров, лениво пощипывающих травку перед воротами.
За хозяином дома, работавшим на винограднике, снарядили гонца.
И снова забегали, засуетились все женщины в доме, а сам хозяин, переодевшись в одежду, соответствующую праздничному событию, пошел обходить соседские дома. Созывая уважаемых людей на застолье.
Цезарь, как всегда, с привычным огоньком в глазах, был душою общества и блестяще «провел» стол. Как и в прошлый раз, дорогих гостей долго не хотели отпускать. Растроганный тамада облобызал всех присутствующих и прослезился, видимо от умиления. И на обратном пути, в автомобиле, не уставал славить небеса, ниспославшие ему таких прекрасных родственников.

Город потихоньку погружался в мягкую комфортную «спячку», наступавшую обычно с завершением курортного сезона. Разъезжались веселые, шумные, любопытные и доверчивые «курортники». Повсеместно дозревал виноград, фиолетово-синие и янтарные кисти пригибали гибкую лозу к земле, а в воздухе, над виноградниками плавал густой, терпкий, пьянящий аромат. Скоро, совсем скоро, начнется сбор пахучих этих, волшебных ягод и грядет, повторяющееся уже столетия, каждую осень, таинство рождения молодого вина.
И во всех селах гордые и счастливые крестьяне будут славить, согласно вековым традициям, небесных своих покровителей.
Но это произойдет немного позднее, может через две недели, а может и через три.
Душа же Цезаря металась сейчас, нетерпеливая и от того возмущенная, внутри телесной оболочки потомка княже-

ского рода, доставляя ему неудобства и дискомфорт. Душе хотелось, образно говоря, петь от счастья, а говоря проще, «тамадить» на хорошем застолье. Цезарь пытался ее, душу, робко утихомирить, успокоить, научить терпению и заставить ждать лучших времен. Но потом понял, речь ведь идет о его душе, и решил, что настаивать и убеждать самое себя, сущность свою — самому же во вред.

И Цезарь сделал вид, что сдался.

И объявил друзьям ближайшим своим, что тоскует он очень по родне своей новой. Особенно, как он сказал, ночами совсем невмоготу.

И снова два автомобиля «припылили» из города к тому-же самому сельскому дому.

Хозяин оказался на месте. Глаза его полезли на лоб, узрев веселую (и голодную) компанию, приближающуюся к воротам, во главе которой чинно вышагивал Цезарь с руками, разведенными для объятий. С трудом натянув на лицо подобие улыбки, Ражден достаточно вяло облобызал дорогого гостя.

На этот раз соседей не созывали, да и стол накрыли не в зале, а в летней кухне-апацхе. И угощенье оказалось гораздо скромнее, чем в прошлые разы.

Прошлогоднее вино Раждена давно было выпито. Посему отрядили сына с запиской к одному из соседей. Минут через двадцать мальчик принес кувшин теплого и кислого, как уксус, белого вина. На компанию этого было явно мало. Хозяин потер переносицу, покряхтел почему-то и удалился в дом. Вернулся с двумя запыленными бутылками виноградной водки, запечатанными кукурузными початками. Чача оказалась высокой степени очистки, то есть «тянула» градусов на восемьдесят. Видимо в доме ее хранили, как спирт, для медицинских целей. Своим качеством и крепостью она немного «подсластила» впечатление от прокисшего соседского вина.

Но даже и она не смогла разогнать тревожное предчувствие, туман какой-то энергетический, витавший в тот вечер над сельской апацхой. И все, в той или иной степени его почувствовали. Все, кроме Цезаря.

И совсем скоро стало понятно, предчувствие чего стучалось в тот вечер в сердца почти всех гостей.

Тоска же, как оказалось, стала есть Цезаря «поедом», причем не только ночами но, что примечательно, и в дневные часы. И почувствовал он острую необходимость припасть к широкой груди своего родственника, брата, по сути, Раждена Татиани.

Ражден чинил калитку, когда из автомобилей высыпала личная гвардия Цезаря, во главе с самим Генералиссимусом Бахусовых войск, отпрыском князей Татиани.
Ослепительная услужливо-восторженная улыбка на аристократически утонченном лице, вкупе с радостно разведенными для объятий руками гласила – «Здравствуй брат мой любимый, светлейший князь Ражден Татиани»!

Хозяин дома сначала как будто окаменел, потом у него отвисла челюсть... и вдруг он, резво, слишком резво для столь крупного мужчины, побежал в сторону приехавших людей.
– Не Татиани я и совсем не твой брат! Не брат и не Татиани! Ты слышишь? – Истерически орал Ражден помегрельски. – Деда ватире, вай мэ, вай мэ (набор междометий) – добавляя по-грузински.
И громко, как паровоз, заверещал Ражден на бегу, перейдя уже на русский.
– Что я натвориль, что я натвориль! Пусть моя гроби на зале мой дому поставят. Пачему он взиал эта мой дэньги проклиатий?
Процессия в недоумении остановилась.
– Нам пара? (Какие деньги) – моментально отреагировал Цезарь на столь милое сердцу слово.
– Да тот самий, – подбежав, продолжал шуметь Ражден, – каторий я взиатку дал старшина кагда мения из армии атпускали я просил напиши мне памилия Татиани очень мения хател книажески памилиа имет. Тебя ведь разница нет. Он правда написал. И дэньги взиал. Ви понимаеш НЕ ТАТИАНИ Я не твой родственник а совсем другой отцовски памилия имею. Астави мения в покое умалиаю.
Тут вообще произошло невообразимое. Огромный дядька, в выцветшей военной гимнастерке, галифе и в узких «азиатских» калошах, вдруг разрыдался. Опустился на

колени, разведя, несколько театрально, в стороны, свои руки. И застыл, как гранитное надгробье. Только из глаз его продолжали предательски вытекать слезинки.

Длительное время будоражила эта история сонный зимний город. В устах же завсегдатаев кофейни «Брехаловка», обрастала она все новыми и новыми подробностями, становясь все более изощренной и совсем уж фантастической.

Цезарь же какое-то время очень грустил и делал вид, что неприятно вспоминать ему произошедший инцидент. И только очень редко, будучи в хорошем настроении после удавшегося застолья, якобы только по настоятельным просьбам друзей, нарушал молчание. Подняв руку, дождавшись полной тишины, с горечью в голосе вещал:
— Патериал я брату!
Присутствующие картинно вопрошали — Что, кто-то умер?!
— Нет, но можно сказать, что умер человек, каторому я считал как брату! Абидел мениа это человек. Мой памилиа присвоиль. Думал я тот день, не удержусь, ударию ему ногой, капитом своим, потом вздержался, он же на колени стаял. А какой книаз на колени встанет? Пониал я — не мой эта порода! А еще я капито пожалел, я же апстрийски тупли адетий имею, дарагой обувь! Плюнул я и прастил его.
(Под словом — копыто — произнесенным с акцентом, мягко, Цезарь имел в виду, я думаю, каблук. И конечно, не рассказывал он, какого было получить, неожиданно, от ворот поворот, и возвратиться в город «не солоно хлебавши»).

За окном трижды пропел мудреный автомобильный клаксон. Андрею пора было отбывать в Сухум. Все хорошее и приятное когда-нибудь заканчивается.
Они с Нури обнялись, и хозяин дома пошел провожать гостя к ожидавшей машине.
На город к тому времени опустилась ночь. Яркие южные звезды щедро усыпали иссиня-черное небо и висели, казалось, низко-низко.